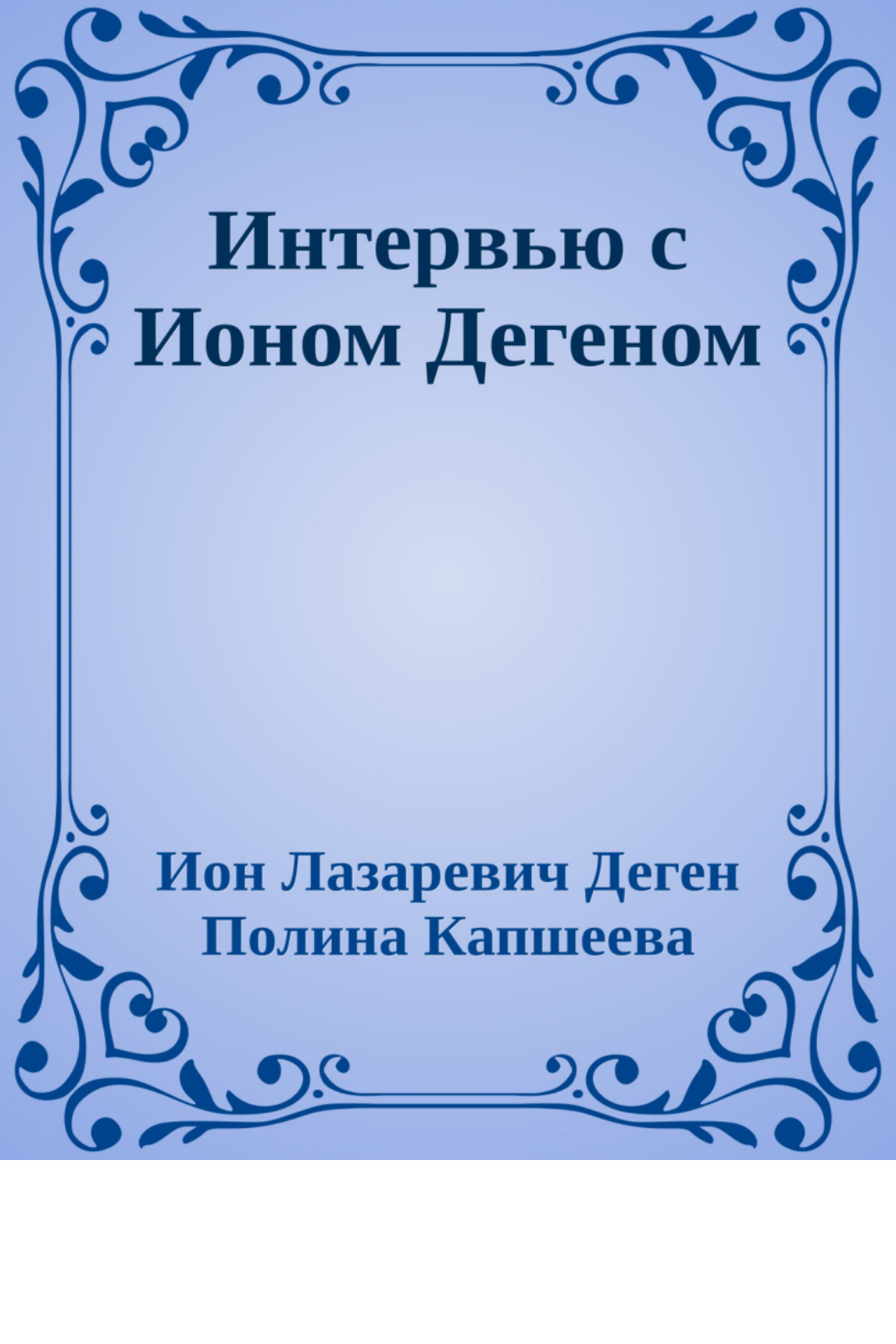

A decorative border with intricate floral and scrollwork patterns in a dark blue color, framing the central text.

Интервью с Ионом Дегеном

**Ион Лазаревич Деген
Полина Капшеева**

**SHOUT
SHARE IT**

•

Полина Капшеева

"Жизнь и судьба" Иона Дегена

05.05.2017

--

Ион Деген в госпитале после ранения

Прошла неделя со дня кончины "неизвестного автора гениального стихотворения", оказавшегося на самом деле очень известным. Мне довелось не раз общаться с ним. Я нашла давнее интервью. Оно Иону Лазаревичу нравилось. Надеюсь, понравится и вам.

... Много лет назад Евгений Евтушенко опубликовал в "огоньковской" рубрике "Русская муза XX века" стихотворение неизвестного автора и назвал его гениальным. Михаил Луконин, от которого Евтушенко услышал эти строки, говорил, что о войне никто ничего лучшего не написал. Василий Гроссман оценил стихи настолько высоко, что включил их в "Жизнь и судьбу": в романе один зэк читает их другому. Однако автора Евгению Евтушенко разыскать так и не удалось. По одной из легенд стихотворение нашли в планшете лейтенанта, убитого под Сталинградом...

Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам еще наступать предстоит.

Так бы и оставаться стихам "народными", если бы на публикацию Евтушенко не откликнулись читатели "Огонька" из Украины. Письмо прислали люди, не только лично знающие автора, но и сохранившие массу других его стихов. Более того, оказалось, что сам Ион Лазаревич Деген жив и относительно здоров (если не принимать во внимание его многочисленные ранения). Правда, пикантность ситуации заключалась в том, что Деген еще в 1977 году отбыл на постоянное место жительства в Израиль...

— Ион, а вы-то как узнали о суете вокруг этого стихотворения?

— Чисто случайно. Двадцать первого января восемьдесят девятого года мы были на именинах у нашей приятельницы, и мой друг доктор Тверской (светлая ему память), вручил мне тот самый "Огонек" с дарственной надписью: "Моему — как выяснилось — гениальному другу". Открываю журнал — там мое стихотворение и легенда, сочиненная Евгением Евтушенко. "Эти стихи нашли в планшете лейтенанта, погибшего под Сталинградом." Меня действительно считали погибшим, но — под Кенигсбергом. Позже я слышал еще один миф — будто Вера Инбер услышала то самое стихотворение от врача (а ему, якобы, прочитал раненый офицер) и расчувствовалась настолько, что под влиянием моих стихов сочинила свой "Ленинградский дневник".

Я действительно в Кирове читал стихи молодому стоматологу, который по кускам собирал мою оторванную челюсть, но произошло это уже после создания "Ленинградского дневника". Вообще, должен вам сказать, всю жизнь меня сопровождают легенды. Между тем, происходившее в действительности мне представляется куда более интересным.

— **Как ваши стихи попали в книгу Гроссмана?**

— Этот путь, мне кажется, я проследил достаточно точно. Летом 1945 года я, двадцатилетний лейтенантик на костылях, был в резерве бронетанковых механизированных войск Красной Армии. Как-то раз я отправился в Комитет по защите авторских прав. В ту пору была очень популярна одна песня. Сочинивший ее командир танка из моего взвода погиб, и мне хотелось, чтобы безымянная песня, исполняемая джазом Эдди Рознера, приобрела автора. В комитете ко мне отнеслись снисходительно, но вполне доброжелательно; авторство песни обещали восстановить, а выяснив, что я сам сочиняю стихи, попросили что-нибудь прочесть. Я начал читать — и через несколько минут в комнате уже было не протолкнуться...

Вернулся я к себе в полк, на другой день вызывает меня начальник политотдела: "Так что, лейтенант, ты там стишки какие-то пишешь? Вот тебе "виллис" — поезжай в Центральный дом литераторов. Обрато на метро приедешь: мне известно, что ты даже танцевать на костылях умудряешься." Отправился я в ЦДЛ. Слушать меня собрались человек сорок, узнал я только Константина Симонова, да еще обратил внимание на долговязого человека, непрерывно что-то помечавшего в блокноте. Это был литературный критик Тарасенков, который, как оказалось, и записал то самое стихотворение; прочел его Семену Липкину, а тот, в свою очередь, — Гроссману. Так через много лет я узнал от самого Липкина, каким образом стихи попали в "Жизнь и судьбу". А совсем недавно мне прислали из Лос-Анджелеса русскую газету "Курьер". В ней опубликован материал, автор которого — якобы со слов Михаила Дудина — пересказывает, как я читал военные стихи при поступлении в Литературный институт. По-видимому, речь идет о том моем единственном выступлении в ЦДЛ: во всяком случае, в литинститут я никогда в жизни не поступал. И еще, вроде бы, Дудин рассказал, что, когда при "поступлении" меня разругали, я ответил: "Вы — тыловые шлюхи!" Конечно, ничего подобного я тогда произнести не мог. А вот клеймили меня на самом деле.

— **За что?**

— Мне тогда это тоже казалось странным: я, ярый коммунист, пылкий патриот, был убежден, что мои стихи

абсолютно не нарушают канонов, установленных советской властью и родной Коммунистической партией... Однако же меня обвинили в том, что я порочу Красную Армию, приписываю ей мародерство; что проповедую трусость... И, вместо заключительного слова, я там же, в ЦДЛ, сочинил и прочел стихотворение "Товарищам "фронтовым" поэтам". Там были такие строки:

Мой гонорар — только слава в полку
И благодарность солдата.
Вам же платил за любую строку
Щедрый главбух Литиздата.

Как видите, это мало напоминает выражение "тыловые шлюхи". Но, после того, как меня разругали в ЦДЛ, я дал зарок: с "литературным истэблишментом" никогда ничего общего иметь не буду.

* * *

Он живет с осколком в мозгу. Семь пулевых ранений, челюсть собрана буквально из кусочков; ботинок надет на протез...

* * *

— Если вы до сих пор не верили в чудеса, посмотрите на меня: я уцелел. Руки перебиты, пальцы не сгибаются, а я ведь хирург... Постоянно приходилось тренироваться; моя палка весит пять килограммов — вот так, под прямым углом к туловищу, вы ее поднять не сможете. Я же поднимаю по многу раз в день... По всему я выжить не должен был. Представьте себе: зима, танк подбит, я лежу между двумя немецкими траншеями... Четко осознаю, что немцы, поиздевавшись вволю, меня сожгут. Избежать этого было проще простого: стоило только перевести предохранитель и выстрелить себе в висок. Но как можно было, лежа на животе, перебитыми руками вытащить из под себя тяжелый "парабеллум", когда каждое движение болью отдавалось во всем израненном теле? Тем не менее, я это сделал — думаю, ничего более значительного в жизни не совершил. Мне оставалось только нажать на спусковой крючок, но тут я вдруг ясно представил себе госпиталь, белые простыни, тепло — вот когда можно будет поспать вволю... Как подошел наш танк — не

помню, хотя ребята мне потом рассказывали, что я еще им советовал, как лучше развернуться... В общем, война преподнесла мне королевский подарок — второй день рождения. Но война, как говорил мой трехлетний сын, "плохая тетя": подарков было куда меньше, чем потерь. Одну из них никогда себе простить не смогу.

На Кавказе шли бои. Мы страшно голодали. В течение пяти дней у меня во рту не было ни крошки съестного, если не считать сыромятного ремешка танкошлема. За три дня я незаметно сжевал его до основания. ...И только много лет спустя до моего сознания дошла простая истина: был ведь и второй ремешок, с металлической пряжкой. Пряжку можно было срезать, а сам ремешок съесть. Но судьба распорядилась по-другому...

* * *

А потом наступил мир. Ион радовался тому, что можно идти по улице не пригибаясь, что мостовая не дыбится от взрывов снарядов, что пули не отлетают рикошетом от стен и тротуаров, что диплом врача — не за горами. После окончания института он поступил в ординатуру на кафедру ортопедии и травматологии военно-полевой хирургии Киевского института усовершенствования врачей. Проработал три недели — и оказалось, что нет приказа о его зачислении. Кончилось тем, что он дал по морде директору института — и был переведен в ортопедический институт. Работал с упоением, проделывал чудеса хирургии допотопными инструментами... Между тем, наступил новый, пятьдесят третий, год...

* * *

— Конечно, "дело врачей" коснулось и меня, но узнал я об этом когда процесс уже закончился. А в то время, тринадцатого января 1953 года, в день опубликования печально известной статьи, мой сосед по комнате в общежитье, умница доктор Кривенко, спросил: "Ион, ты не помнишь, что нужно дать при инфаркте миокарда?.." Взгляды наши встретились — и мы испугались друг друга. Я опустил глаза: "Вася, я плохо помню терапию..." Конечно, мы оба понимали, что это "дело" — бред сивой кобылы. В тот день я впервые в жизни не поверил правительственному сообщению... Заместитель директора нашего института Валериан Петрович Захаржевский попросил меня выступить на митинге: "Деген, ты — фронтовик, коммунист,

прекрасный хирург..." Я вновь сказал, что плохо знаю терапию — вдруг мне зададут какие-то вопросы, на которые не смогу ответить... Захаржевский умный был, все понимал — посмотрел на меня, промолчал и оставил в покое.

— Но ведь вы сказали, что "дело врачей" коснулось и вас?..

— История такова. В одно прекрасное "однажды" к нам в клинику поступил пациент. Страшный рубец от одиннадцатого ребра до наружной лодыжки, полученный в результате ранения разрывной пулей, причинял ему невероятные страдания. Больного положили в отдельную палату, которую я вел. Было ясно, что у пациента имеется какая-то серьезная протекция, но в истории болезни не записали ни профессию, ни место работы. Ситуация весьма странная, но я решил, что в приемном покое просто допустили ошибку — мало ли, бывает. Следующая странность заключалась в том, что элементарную операцию — простое иссечение рубца — должен был почему-то делать сам профессор... В назначенный день операция не состоялась: профессор заболел и на работу не вышел. Трижды эту операцию переносили — и трижды профессор заболел. Что ж, зима; грипп свирепствует; наш профессор — не юноша... В какой-то момент больной буквально взвыл: "Пусть меня оперирует кто угодно, но — сегодня!" Я отправился к профессору домой, доложил ситуацию и получил распоряжение: пусть оперирует доцент Макс Соломонович. Я — к нему: "Александр Григорьевич велел..." Тот что-то пробормотал про срочную операцию и мгновенно испарился. Я, простодушный идиот, возвращаясь к профессору, который отсылает меня ко второму доценту, Антонине Ивановне. Иду к ней: "Александр Григорьевич велел..." — "У меня партбюро", — и смоталась. А больной криком кричит: "Да пусть хоть санитарка режет!" Я, уже привыкши, — к профессору: "Александр Григорьевич, операция же элементарная..." Он как-то странно на меня посмотрел: "Ну что, Деген, хотите оперировать? Будь по-вашему — скажите Жене, чтобы он вам ассистировал". И мы на пару с Женей начали операцию под местным обезболиванием. Этап за этапом; медленно, с анекдотами — может быть, среди них были и антисоветские... Операция прошла изумительно. Дело в том, что мы с Женей в студенческую пору препарировали трупы, а это было похоже: ни о чем не думая, просто аккуратно делать техническую работу. Зашел я вечером навестить больного — он говорит: "Господи, впервые за несколько лет я без боли. И — без морфия. Ну, доктор, ты себе завоевал друга, который тебе, поверь, очень пригодится!" Вскоре он выписался и пригласил нас с Женей в киевский ресторан

"Динамо". Обхаживали нашего пациента как короля — тогда я еще не знал, что все работники этого ресторана — кагебисты...

Прошло полтора года, и я случайно узнал, что моего коллегу вызывали в КГБ после митинга, посвященного смерти Сталина. Сутки его продержали в кабинете — светили в глаза, не давали спать, не пускали в уборную... Допрашивал лично заместитель министра госбезопасности — как вы уже догадались, тот самый мой пациент... В итоге необходимые "улики" были получены: коллега "признался", что я являюсь руководителем действующей в нашем институте буржуазно-националистической организации. Обо всем этом мне рассказал сам пациент, когда мы с ним случайно встретились в парке возле памятника Ватутину. В импортном спортивном костюме, с изумительным сенбернардом, бывший больной совершал вечернюю прогулку... Увидев в то страшное время дело, заведенное на меня по анонимному доносу, он решил любым путем сохранить мне жизнь. Тут-то и придумал мне "алиби" — руководство националистической организацией, а "доказательства" вырвал от моего коллеги. Заместитель министра точно рассчитал, что расследование по моему делу затянется, а тем временем всей этой истории с "убийцами в белых халатах" будет положен конец. Таким образом, я думаю, он спас меня от тюрьмы, а может быть, — и от смерти.

— С ума сойти: вокруг вас разгорались такие страсти, а вы и не замечали...

— Да мне и в голову не могло прийти, что меня можно заподозрить во вражде к существующему строю или в сопротивлении линии Коммунистической партии. Нет, я, конечно, критиковал публично отдельные "локальные" нарушения, но — с позиций "советского человека". Может быть, это меня и спасало. Позже, когда я перестал в душе быть коммунистом и всем своим существом уже считал себя израильтянином, произошла забавная история. Один из моих очень-очень высокопоставленных пациентов как-то мне сказал: "Слушайте, Ион Лазаревич, да бросьте вы свою фронду! Сегодня утром Щербицкий меня спросил, до каких пор вы будете на свободе, — и я вынужден был ему долго объяснять, какой вы хороший советский человек... Это же анекдот: у КГБ других забот нет, как защищать вас от партии!.."

— А почему вы вдруг "перестали в душе быть коммунистом"?

— Вы правы: именно "вдруг". Это случилось в ноябре пятьдесят шестого года. С утра я сделал операцию шестнадцатилетнему мальчику — резекцию коленного сустава. После этого я пошел к главному врачу ругаться: такими

инструментами работать было просто невозможно — их нужно было выбросить еще при Петре Первом. Главврач объяснила, что ничего сделать не может: нет денег и вообще... Тогда, говорю, давайте закроем операционную. "Идите, доктор Деген, работайте". Я разозлился: "Скажите, Варвара Васильевна, а если бы мне вашего сына пришлось оперировать, вы бы хотели, чтобы я работал этими инструментами?" В ответ слышу: "Беда с вами, евреями: здесь я с вами мучаюсь, на Синае египтяне страдают..." На меня прямо столбняк напал — какие евреи, какой Синай, при чем здесь я? Возмущенно хлопнув дверью, я вышел. Моросил дождь, дворник убирал листья возле крыльца... Мы пообщались — в отличие от начальства, весь младший персонал меня любил. Откуда-то я знал, что этот дворник — баптист. И вот я попросил его дать мне почитать Библию. Тот всполошился: "Вы что, откуда? Нету у меня". Я взмолился: "Андрей, я знаю историю древнего Китая и Египта, древней Греции и Рима, но я не имею представления об истории моего собственного народа..." — "Нету"... Что ж, на нет, как говорится... В операционные дни я старался брать ночные дежурства, чтобы понаблюдать за своими больными; остался на ночь и в тот раз. Поздно вечером я сидел и что-то писал: то ли истории болезни, то ли стихи. Стук в дверь — входит Андрей. Бледный, как смерть; руку держит под телогрейкой: "Ион Лазаревич, не сделайте сиротами моих детей", — и достает истрепанную Библию. Я читал всю ночь... Меня совершенно поразило, что у рабского племени, не народа даже, была такая высочайшая мораль... Я бесконечно перечитывал, и дочитался до того, что на очередном "закрытом партсобрании" (так мы называли вечеринки, на которые собирались с близкими друзьями) заявил: "Ребята, грядет великий исход евреев из Советского Союза", — слова "алия" я тогда не знал. Друзья сделали вывод: "Вот теперь мы действительно понимаем, что ты сумасшедший: осколок, засевший в мозгу, явно оказывает влияние не твое мышление". Я возразил: "Ребята, все то, что написано в Библии, сбылось и продолжает сбываться. Какие же у меня основания считать, что описанное не осуществится и дальше? В конце Третьей Книги сказано, что после всех несчастий, которые произойдут с нашим народом, после того, как матери будут есть плоть своих детей, после того, как земля опустеет, Он вспомнит свой обет с Яаковом, Ицхаком и Авраамом и возвратит народ на Землю Обетованную. Мы — тоже часть этого народа — значит и нам возвращаться..." Когда в конце шестидесятых началась алия из Союза, друзья обалдели: "Ты что, пророк?"

— Вы что, пророк?

— Да нет, я всего лишь процитировал Библию...

— Почему же вы сами не уехали тогда, в конце шестидесятых?

— Это было совершенно невозможно. Я умолял маму ехать — хотя бы ради ее внука, моего сына, — но она упрямо отвечала одно и то же: "Голда Меир — проститутка, а Израиль — фашистское государство. Еще одно слово — я пойду в КГБ и сообщу, что мой сын — сионист". Только после маминой смерти мы смогли выехать из "благословенной" страны. Забавно, что в течение тринадцати лет я был верующим евреем, оставаясь при этом коммунистом. Так продолжалось до тех пор, пока мой пятнадцатилетний сын не ткнул меня носом в "гениальное" произведение "Партийная организация и партийная литература": "Вот они, истоки фашизма — не у Муссолини, а у Ленина твоего". И я начал пересматривать все, чему меня учили... Но, поскольку я был трусом, свой партбилет не выбросил. Виктор Некрасов, приходя ко мне в дни получки, неизменно спрашивал: "Ну что, опять разбил бутылку коньяка о бровку тротуара?" — это значило, что я уплатил очередные партвзносы. Я мрачно кивал головой, а Ника смеялся: он ведь и сам ежемесячно аккуратно разбивал бутылку коньяка... Чего уж тут, конечно, я боялся — не за себя, так за семью. Однажды, правда, меня собирались исключить из партии. Я учинил настоящий разгром в кабинете секретаря Печерского райкома партии, заявив в присутствии множества людей, что он пользуется своей властью, живя за мой счет. Дали мне "строгача", а исключили бы тогда — облегчили бы мне задачу. Много всего было... В 1967 году, во время Шестидневной войны, один подполковник, "приписанный" к нашей парторганизации, заявил мне: "Такие, как вы, служат Израилю". Я за словом в карман не полез: "Я за честь бы почел служить Израилю, а такие, как вы, с одинаковым неумением служат советской власти и Петлюре; батюшке-царю и фашистам". При этом словесном поединке присутствовал заведующий одной из поликлиник нашей больницы, еврей, как мне казалось, человек порядочный. Потом, правда, когда нужно было подтвердить, что ссора началась со "служения Израилю", этот единственный свидетель сказал, что не расслышал. Что ж, я его не обвиняю. Я вообще никого не хочу судить, иначе пришлось бы обвинять решительно всех. Меня — в том числе.

— Вас-то за что судить?

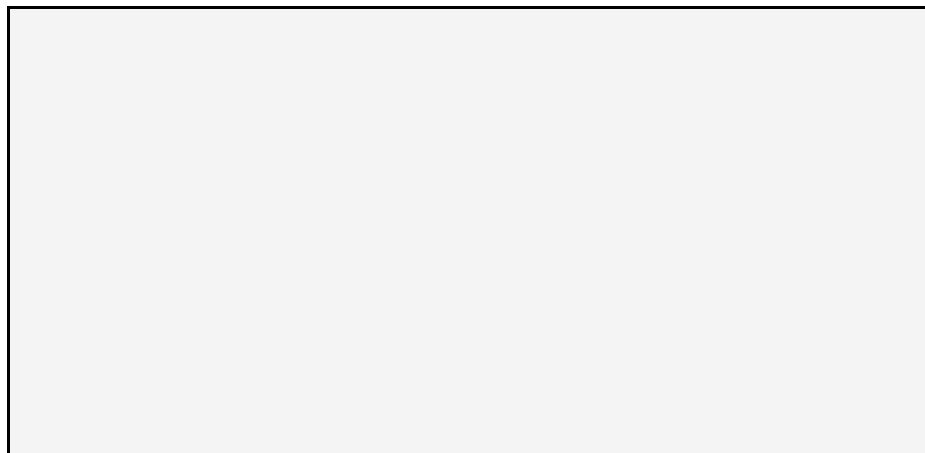
— Как — за что? За то, что я верил, за то, что жил с закрытыми глазами. Это ведь ужасно... А ведь некоторые мои друзья радовались, когда умер Сталин. Никогда не забуду, как явился с орденами и медалями на груди к своей институтской

приятельнице (она сейчас живет в Ашдоде). Отец ее критически посмотрел на меня и сказал, указав на медаль "За победу над Германией" с профилем вождя: "Спрячь. Не надо, чтобы на тебе видели убийцу", — и перевернул медаль на другую сторону. Я просто пришел в бешенство: как можно назвать убийцей великого Сталина? Я очень печалился, когда вождь умер — даже написал по этому поводу поэму... Правда, моя предыдущая, шуточная, поэма оказалась куда популярнее. Называлась она "Эмбрионада" и охватывала серьезный этап развития человечества — от зачатия до появления на свет. Единственное, кстати, литературное произведение, за которое я получил "гонорар": "пятерку" по акушерству и гинекологии без сдачи экзамена. Поэму эту знали во всех восьмидесяти восьми мединститутах Советского Союза, а вот из сочинения, посвященного смерти Сталина, ни единой строчки не помню даже я сам. Что ж, хоть это делает мне честь...

— **Чем сегодня занимается доктор Деген?**

— Книжки выходят; работаю в купат холим "Леуми". Хотя я давно уже достиг пенсионного возраста, меня почему-то не хотят оттуда попереть. Хромаю... Если не возражаете, хотел бы процитировать свое небольшое сочинение под названием "Относительность". "В два года и десять месяцев, когда сын произнес эту фразу, у него уже был изрядный список изречений. Можно было догадаться, почему он так высказался. У всех детей папы как папы. А у него — папа с палочкой. В этом возрасте сын уже осознал непродолжительность некоторых отклонений от нормы. Поэтому фраза "Когда папа отхромается..." прозвучала логично, хотя и забавно.

Прошло много лет. Сын стал специалистом в области, оперирующей процессами в пространстве и во времени. Сейчас он просит Бога, чтобы папа как можно дольше не "отхромался".

Ион Деген в 1944 году

Ион Деген 2014 год

Алла Борисова (корреспондент «Невского Времени»):

Ион Деген - «Противника я убить мог, а человека – нет»

Ветеран Великой Отечественной войны, разведчик, танкист и поэт Ион Деген поделился с «НВ» воспоминаниями о том, как чудом спасся от смерти и почему не смог выстрелить в немецкого офицера.

В Израиле он – личность легендарная. Герой Великой Отечественной войны, военный разведчик и танкист, уничтоживший 16 фашистских танков. После войны он стал знаменитым хирургом-ортопедом, доктором наук, а позже обрёл известность ещё и как поэт. Сегодня ему уже почти 90 лет, он пишет воспоминания, стихи и прозу. Но даже если бы он ничего не написал, кроме одного маленького стихотворения, его имя всё равно вошло бы в историю. И не только как героя войны и врача, но и как поэта, передавшего в скупых строчках весь ужас, кровь и боль войны. Стихотворение «Мой товарищ в смертельной агонии...» долго ходило «в списках» – его, отпечатанное на папиросной бумаге, передавали из рук в руки. А когда авторство было установлено, Евгений Евтушенко назвал эти строки гениальными. О том, с чем пришлось столкнуться на войне и как было написано знаменитое стихотворение, Ион Деген рассказал «НВ».

– Ион Лазаревич, вы были в 9-м классе, когда началась война, и решили пойти добровольцем в истребительный батальон. Что за страсть вами двигала? Почему вы так рвались на фронт?

– 22 июня 1941-го мне было 16 лет и 3 недели. Я был комсомольцем. Я точно знал, что на третий день войны мы войдём в Берлин, где немецкие пролетарии встретят нас букетами цветов. Нас так учили. Наш взвод состоял из девятиклассников, почти все – 1924 года рождения, и только трое – 1925-го. Выжили всего четверо...

– Что было самое страшное в начале, в 1941-м?

– Самое страшное... Беспрерывные бои. Рядом погибали мои

одноклассники, семнадцатилетние ребята. Мы попали в окружение, но упорно пробивались к своим. Я был ранен в ногу, но мы с другом Сашей Сойферманом 19 дней шли ночами, прячась от немцев. Я не мог делать перевязки, шёл с трудом, но нужно было переправиться на левый берег Днепра. Мы были уверены, что там уже должна быть Красная Армия. Поплыли вместе с другом, но я потерял его там, в Днепре. И когда, выплыв, увидел двух немецких солдат, идущих по берегу, я заплакал. Заплакал не от боли, не от того, что я навсегда расстался с погибшими друзьями, что в Днепре потерял своего друга, который был мне опорой. Я заплакал от мысли: «Где моя страна?», «Где моя армия?».

– *Это было сильное разочарование?*

– Это был шок. А спасла меня украинская семья Фёдора и Прасковьи Григоруков из села в Полтавской области. Я обязан им жизнью. Они раздели меня, промыли раны. Поняли, что я еврей. В селе стоял немецкий гарнизон, и все, конечно, знали, что их ждёт за укрывательство евреев и коммунистов. Но они меня прятали на чердаке, а потом увезли и передавали с подводы на подводу – кажется, пять раз... Последняя подвода привезла меня в госпиталь в Полтаву. Где именно мы пересекли линию фронта, сколько времени это заняло, я не знаю, не помню.... Эти люди рисковали своей жизнью. Они – герои, таких здесь, в Израиле, называют праведниками мира.

– *Вы были серьёзно ранены тогда?*

– Тогда ещё нет. Я был ранен в мягкие ткани правого бедра, но 19 дней без перевязки привели к тому, что раны загноились. Они были ужасны, и в полтавском госпитале решили ногу ампутировать. Я сопротивлялся – и оказался прав... Там я пролежал пять с половиной месяцев, выписался, был на долечивании в грузинском селе. Когда узнал, что на станции стоят два бронепоезда, немедленно отправился туда и шёл пешком 13 километров. Так в 17 лет я снова добровольно пошёл в разведку 42-го отдельного дивизиона бронепоездов, был тяжело ранен в 1942 году, потом меня отправили в тыл – лечиться и учиться.

– *И началась ваша история танкиста?*

– Она началась уже до этого. Ведь бронепоезда – это фактически были танки на железнодорожных колёсах, и танковая башня – та же самая.

– *Меня поразило в ваших воспоминаниях то, что в армии вы часто голодали. Почему?*

– Ну, это обычно, это война... В таком же положении были, кстати, и немцы. Одна встреча с пленным мне особенно

запомнилась. Пехотинцы привели ко мне пленного немца, потому что я знал немецкий и мог на нём разговаривать. Но ему не нужен был мой ломаный немецкий. Он знал русский, он был студентом Венского университета, командиром танкового батальона в эсэсовской дивизии. Дело было 13 июля 1944 года...

Вот я это сказал вам сейчас – и увидел, как мы с ним сидели вдвоём, друг напротив друга, на двух тумбах. Я готов был его убить каждую секунду, но... почему-то не убил. Он был нацистом, антикоммунистом, моим злейшим врагом. Я несколько раз открывал клапан кобуры своего немецкого трофейного «парабеллума». Но не убил. Уходя, он подарил мне свою красную перламутровую ручку с золотым пером, и я долго хранил её как талисман. Потерял её в ночь на 21 января 1945 года – и понял тогда, что со мной что-то случится.

– *А почему вы не убили его тогда, как вы думаете?*

– Не могу вам этого объяснить. Это очень трудно оформить в слова.

– *Ведь убивать тогда для вас уже было обычным делом?*

– Да, конечно. Но, понимаете, я тогда увидел, что это – человек. Он – враг, причём умнее и образованнее меня. Но он сидел напротив, и я видел в нём человека. А человека я убить не мог. Противника – мог, а человека – нет.

– *Каким был самый запоминающийся бой в танковой бригаде?*

– Они все были страшными. Каждый бой был страшен на исходной позиции – когда ты сидел и ждал начала атаки. А когда ты уже шёл в бой, в атаку, то просто забывал о страхе, потому что это была тяжёлая работа, работа танкиста. Я сидел в башне, в которой было невозможно дышать от пороховых газов – два вентилятора не спасали. Надо было увидеть цель, а видимость часто была очень плохой... Очень тяжёлый бой был в августе 1944 года, ночью, когда немцы почти полностью уничтожили наш батальон. Но мне удалось уползти задним ходом в темноту, потом я обогнул немецкие «пантеры» – и они оказались на фоне наших горящих танков. И их уже легко было подбить. Я уничтожил тогда два немецких танка.

Тяжело было, конечно, в день моего последнего ранения, когда я, командир роты, отдал приказ и ни один танк моей роты приказ не выполнил. Мне пришлось самому подать пример, но никто не последовал за мной. Это было 21 января 1945 года. В роте ещё 11 машин, из них пять танков Т-34. Шёл девятый день наступления. Единственное желание – и у меня, и у всех остальных – было спать. И больше ничего. Просто не осталось сил. Страха уже не было, а только дикая усталость. Держаться дальше уже было невозможно.

– Вы однажды написали, что даже особистов не боялись, потому что «и так чувствовали себя смертниками». Это так и было?

– В августе 1944 года к нам на танки посадили десантников из штрафного батальона. В 1941-м они попали в плен в Белоруссии. Их освободили, и они должны были «кровью искупить свою вину». Среди них была женщина-врач. Она мне сказала тогда: «Сынок, ну мы-то штрафники, но вы-то за что?» Мы знали, что это – конец. Мы были отдельной танковой бригадой прорыва. Таких было 10 бригад в Красной Армии, на каждом фронте – по одной бригаде. Мы были «камикадзе», которые должны были «открыть ворота» для других танковых соединений, входящих в прорыв. Просто знали, что должны это сделать любой ценой. А «любая цена» – это смерть. Мы шутили тогда: «Нами занимаются два наркомата – здравоохранения и земледелия».

– Вас дважды представляли к званию Героя СССР, но вы его так и не получили. Почему так случилось?

– Откуда я знаю... Последний раз я услышал об этом в мае 1965 года, когда меня вызвали в киевский облвоенкомат и интеллигентного вида полковник показал мне документ, где было написано: «В ответ на ваш запрос отвечаем: в связи с тем что у гвардии лейтенанта Дегена большое количество наград, есть мнение звание Героя Советского Союза ему не присваивать». Я улыбнулся, а он был огорчён. Ну, я вышел и больше об этом не думал.

– Возможно, всё дело в том, что вы – еврей?

– Не знаю. Я доктор наук, учёный, и у меня нет фактов. Говорят, в 1943 году начальник Главного политического управления Красной Армии, он же начальник Совинформбюро, Щербаков дал указание – по возможности евреев к званию Героя Советского Союза не представлять. Это было устное распоряжение, точных данных у меня нет.

Но есть ещё один потрясающий пример.

Иосиф Рапопорт... мне до него как до неба. Доктор биологических наук, он имел броню, но пошёл воевать. И был представлен к званию Героя Советского Союза за форсирование Днепра, но не получил его. Он потерял один глаз, но продолжал воевать. В Австрии, уже в конце войны, он увидел колонну немецких танков – это была большая танковая дивизия. Один он вышел на дорогу, остановил танк, увидел генерала и на хорошем немецком объяснил ему, что немецкая дивизия окружена, война кончается. И таким образом он взял в плен целую танковую дивизию! Но Героя ему всё равно не дали. Выдающийся был генетик...

– О чём вы думали в госпиталях, где долго лечились после того самого финального боя?

– Я видел, сколько было сделано глупого и ненужного... Сколько можно было сделать, чтобы спасти сотни, тысячи жизней... Но я думал: «Моя партия не может ошибаться – значит, я чего-то не понимаю». Сколько жертв! Вспоминал последнюю атаку. Когда мой комбат дал мне ночью перед атакой стакан водки (я околевал от холода, у меня даже шинели не было), я ему сказал: «Товарищ гвардии майор, ну, как это? Без артподготовки, без пехоты? Как можно?»

Майор Дорош посмотрел на меня грустными глазами – он не хуже меня всё понимал: «Ну а что я могу сделать? Получен приказ». И он знал, и я знал. Приказ. Надо выполнить.

– Ваше спасение – стечение обстоятельств? Чудо?

– Это – чудо. Безусловно. И у меня есть доказательства! Шёл бой, мы уже перемахнули первую траншею. Я смотрел на вторую. А в траншеях сидели 16-летние немецкие пацаны с базуками, с фаустпатронами. Я думал о них, потому что пушку-то можно увидеть, а вот пацанов этих из танка не увидишь... И вдруг, совершенно неизвестно почему, я выкрикнул своему стреляющему: «Башню вправо! Бронебойным! Огонь!» И он выстрелил. И мне показалось, что у нас в казённом взорвался наш снаряд. А это немец из танка выстрелил в меня в ту же секунду, что и я. Потом все пытались понять, что произошло. Я поджёг танк, но весь мой экипаж погиб. А я был тяжело ранен. Непонятно, почему я это крикнул? Кто дал эту команду? Ведь я не видел этот немецкий танк? И если бы я этого не сделал, я бы точно погиб. Надо было быть таким идиотским атеистом, чтобы ничего не понять тогда... И я продолжаю им быть.

– Что подтолкнуло вас к медицине? Семейная традиция, ведь ваш отец был фельдшером?

– Да, отец был фельдшером, а мама – медсестрой, но я не думал о медицине до последнего ранения. А уже в госпитале захотел стать врачом. Уже там я стал рентгенотехником, хотя у меня ещё не было аттестата зрелости. И появилась мечта – не ампутировать, а пришивать оторванные конечности. И мечта моя осуществилась – 19 мая 1959 года я пришил человеку руку. Это была первая в мире реплантация конечности.

– Когда вы репатриировались в Израиль, ваша военная карьера была признана?

– Не то слово! Меня пригласили в Союз израильских танкистов, куда входят либо танкисты в звании полковника и выше, либо герои. И в Йом а-зикарон (День памяти павших в боях и террористических атаках. – Прим. ред.) я был в Танковом музее

в Латруне, и председатель Союза израильских танкистов генерал Хаим Эрец подошёл ко мне и сказал: «Мы вдвоём положим венок». Представьте: генерал и я – гвардии лейтенант!

– А то стихотворение, ставшее знаменитым... Вы помните, как его написали?

– Написал я его в декабре 1944-го. Я к тому моменту видел уже очень много крови. И ещё была проблема – мой подчинённый выскочил из подбитого танка, оставив там свой сапог. И долго ходил с ногой, обмотанной брезентом... Вот так и получилось стихотворение.

справка «нв»

Ион Лазаревич Деген родился 4 июня 1925 года в городе Могилёве-Подольском одноимённого округа Украинской ССР (ныне Винницкая область Украины) в семье фельдшера. В двенадцать лет начал работать помощником кузнеца. В июле 1941 года добровольцем пошёл на фронт в истребительный батальон, состоящий из учеников 9–10-х классов. Воевал в составе 130-й стрелковой дивизии. Был ранен при выходе из окружения.

15 июня 1942 года был зачислен в отделение разведки 42-го отдельного дивизиона бронепоездов, дислоцированного в Грузии. Боевой задачей дивизиона осенью 1942 года было прикрытие направления на Моздок и Беслан. Командир отделения разведки. 15 октября 1942 года был ранен при выполнении разведзадания в тылу противника.

После выписки из госпиталя – курсант 21-го учебного танкового полка в городе Шулавери. Затем переведён в 1-е Харьковское танковое училище. Весной 1944 года закончил училище с отличием и получил звание «младший лейтенант».

В июне 1944 года назначен командиром танка во 2-ю отдельную гвардейскую танковую бригаду, участвовал в Белорусской наступательной операции 1944 года. Впоследствии – командир танкового взвода; командир танковой роты, гвардии лейтенант.

Является одним из советских танковых асов: за время участия в боевых действиях в составе 2-й отдельной гвардейской танковой бригады экипажем Иона Дегена уничтожено 12 немецких танков и 4 самоходных орудия, много орудий, пулемётов, миномётов и живой силы противника.

Перенёс четыре ранения, в результате последнего 21 января 1945 года получил инвалидность. Был дважды представлен к

званию Героя Советского Союза.

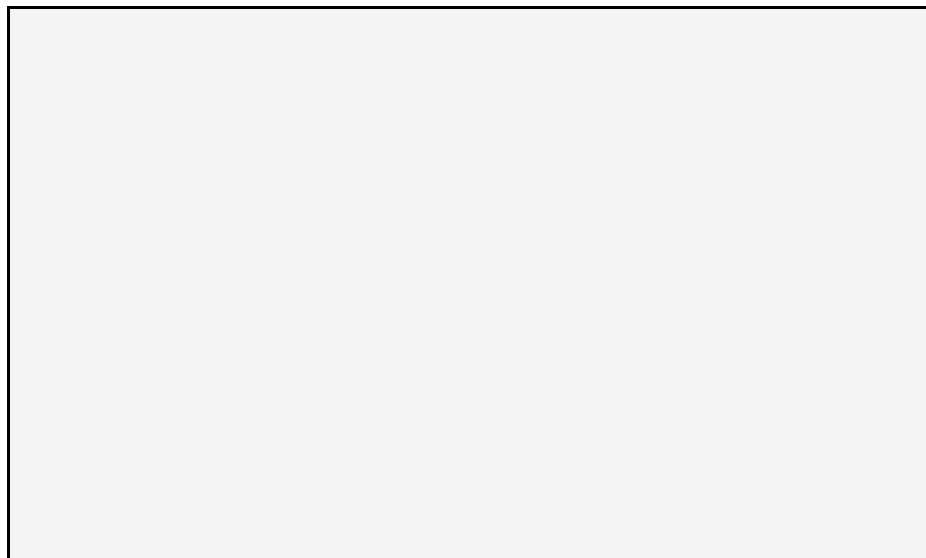
В 1951 году с отличием окончил Черновицкий медицинский институт и до 1954 года работал ортопедом-травматологом в Киевском ортопедическом институте. Позже, до 1977 года, работал ортопедом-травматологом в больницах Киева. 18 мая 1959 года осуществил первую в медицинской практике реплантацию конечности – предплечья. В 1965 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1973-м – докторскую на тему «Лечебное действие магнитных полей при некоторых заболеваниях опорно-двигательного аппарата». Это была первая в медицине докторская диссертация по магнитотерапии. Автор 90 научных статей.

В 1977 году репатриировался в Израиль, где более 20 лет продолжал работать врачом-ортопедом.

Член редколлегии популярного журнала «Голос инвалида войны», постоянный консультант в «Бейт алохем» – Клубе инвалидов Армии обороны Израиля, знаток Торы, Танаха и современной философии. Единственный советский танкист, зачисленный в Общество израильских танкистов, отмеченных за героизм.

Автор книг «Из дома рабства», «Стихи из планшета», «Иммануил Великовский», «Портреты учителей», «Война никогда не кончается», «Голограммы», «Невыдуманные рассказы о невероятном», «Четыре года», «Стихи», «Наследники Асклепия», рассказов и очерков в журналах Израиля, России, Украины, Австралии, США и других стран.

Живёт в Гиватаиме (Израиль).

На плечи Иона Дегена и его поколения легла основная тяжесть Великой войны

*// Беседовала Алла Борисова, корреспондент «НВ» в Израиле.
Фото Артёма Дигилова*

